

ПРОЛОГ

за несколько лет до описываемых событий

Легенда...

Предания о Первой Войне и удивительной цивилизации асуров, павшей под натиском рожденной во тьме Нави, давно превратились в легенды. И даже — в сказки, потому что темные победители до сих пор дрожали от ярости при упоминании первых владык Вселенной и сделали все, чтобы вычеркнуть их из истории. Все строения асуров, все их дома и памятники, были разрушены до основания. Их бесценные книги — те, что уцелели в безжалостном пламени Первой Войны, — навсегда исчезли в хранилищах Темного Двора. Их язык был признан скверной. А сами асуры — поголовно истреблены.

И до сих пор подлежали истреблению, если кто-нибудь из них благодаря магии или умению прятаться окажется живым.

Но, несмотря на все старания Нави, вычеркнуть асуров из памяти у них не получилось, и сразу же по окончании Первой Войны появились легенды, в очередной раз доказав, что Слово намного сильнее и стали, и магии. Легенды рассказывали о великих волшебниках, первыми познавших секреты Спящего, об их летающих городах, красивых настолько, что, глядя на них, пришедшие из лютого мира навыв осознали смысл

♦♦♦♦♦

слова «великолепие», о Железных Крепостях — удивительных твердых, способных перемещаться в глубинах планеты, сквозь камень и землю, о знаниях, которые были получены от самого Спящего... Легенды возникали во всех обитаемых мирах, пересказывались и записывались вопреки запрету темных. Легенды наделяли асуров силой и представляли сказочными, несокрушимыми героями, почти равными Создателю, легенды восхваляли могущество асуров, потому что, несмотря на их поражение в Первой Войне, навь так и не сумели превзойти тех, с кого началась история Вселенной.

Легенды об асурах преодолели время, их пересказывали друг другу племена, появившиеся через тысячи лет после Первой Войны, а некоторые, наиболее дикие, даже создали примитивные культы, провозгласив первых владетелей Вселенной богами.

И мало кто знал, что последняя Железная Крепость не разделила судьбу остальных твердых асуров, как заявили об этом навь, не погибла в жестоком огненном ударе, а хаотично путешествовала по чреву Земли, превратившись в вечную тюрьму для того, кого навь боготворили.

И проклинали.

В тюрьму для того, кто задумал и создал Темный Двор.

Для того, кого победители асуров попытались убить.

В тюрьму для первого князя Нави.

///

Он давно потерял счет проведенным в заточении годам. Сотни или тысячи? Для бесплотного духа разница в порядок несущественна. Враги были увере-

◆◆◆◆◆
нял, как работает созданная давным-давно Крепость, и стал подстраивать свои желания под ее хаотические действия.

И принялся штурмовать небо.

Дюйм за дюймом.

Наверх! Через боль. Через смерть. На свободу!

Периодически Железная Крепость приближалась к поверхности, останавливалась и выпускала «исследовательский рукав» — шесть тонких, выходящих наружу «пальцев», через которые оценивала состояние планеты, проводя непонятные замеры по алгоритму давным-давно умерших хозяев. Остановки длились от двух до десяти часов, и первый князь надеялся использовать эту возможность, чтобы покинуть опустыленную темницу.

Через боль.

Через смерть.

Вверх по трубе, наполненной безжалостными охранными заклинаниями, способными порвать в клочья даже то, чего нет... Ярга отбивался, сдерживал их, выживал под безумным давлением, но боль при этом испытывал такую, что в какой-то момент на его глазах выступали слезы... Так казалось: несуществующие железы выдавливали из несуществующего тела соленые капли. И они летели вниз, в бездонную тьму, из которой первый князь рвался к небу.

Даже у него, могучего, сумевшего вывести свой народ из проклятого мира и уничтожить величайшую империю Вселенной, дикая боль вызывала слезы, но Ярга видел облака.

Далеко-далеко наверху.

И рвался к ним так же, как некогда рвался на Землю — безоглядно, не обращая внимания на раны, поставив на карту все...

Во время одной из первых попыток вырваться Ярга понял, что эфирная сущность — не лучший сосуд для хранения энергии. В темнице энергии было много, дух купался в ней, но не накапливал, а потому одновременно с приближающимся небом, совершенно нестерпимой болью и накатившим страхом, призывающим отступить и дождаться следующего раза, из Ярги уходила энергия. Он слабел. Он знал, что, лишившись ее, погибнет — даже бесплотному духу нужна подпитка. Но продолжал упрямо стремиться вверх. Ярд за ярдом, фут за футом, дюйм за дюймом.

Извиваясь в страшных объятиях безжалостных заклиний.

Потому что наверху его ждала свобода.

И облака.

Забытый вкус ветра.

Море и драконы.

К ним Ярга рвался из Железной Крепости.

А в черный провал тоннеля падали его призрачные слезы...

ГЛАВА 1

Tommy-Gun-Town
Сьерра-Леоне, 11 июля, понедельник,
23:47 (время местное)

Эти места еще могли похвастаться и нетронутыми джунглями — правда, их площадь постоянно сокращалась, — и прекрасной саванной, которую вновь и вновь ощупывали геологи, и большим количеством самых разных животных. Не огромным, как раньше, а просто большим. Когда-то эта благодатная земля восхищала путешественников, составлявших ее восторженные описания, на ней с избытком хватало места и людям, и зверям. И она казалась раем, но... Земля оказалась не только красивой, но удивительно богатой полезными ископаемыми, что стало для нее проклятием.

Богатство всегда становится проклятием для слабых, для тех, кто не способен его защитить, и по благодатной земле потекли потоки крови. Лютая гражданская война за право продавать подземные богатства в другие страны длилась несколько лет, затем постепенно стихла, потому что невозможно воевать постоянно, однако ее отголоски слышались до сих пор: в поведении людей, в их отношении друг к другу, в готовности убивать...

В стране воцарился мир, но владельцы алмазных полей не забыли недавнее прошлое и подсознательно

— Посмотрим, — согласился Кабба и поднял правую руку, приветствуя завопивших поданных. Вопить им приходилось громко, потому что надсмотрщики внимательно отслеживали тех, кто не проявлял должного уважения к повелителю, и подвергали провинившихся суровому наказанию.

— Приятно, когда тебя любят, — протянул здоровяк, с удовольствием оглядывая захлебывающихся в экстазе поданных. — Приятно, что они видят во мне защитника и владыку.

— Ничего удивительного, — улыбнулась в ответ стоящая рядом с Томми женщина. — Ты такой и есть.

— Я их король.

— Разумеется.

Женщину, которая сопровождала Томми, звали Гранни ди Атура, но ее имя было известно только Каббе, а для поданных она была Белой Львицей — потрясающе красивая и таинственная любовница их короля, представляющая больших людей с Запада. Обладательница пышных каштановых волос, большого, чувственного рта и огромных, манящих глаз. Что же касается фигуры Львицы, то она могла вызвать желание даже у мертвеца, что уж говорить о старателях, женщины которых не годились красивой белой даже в служанки.

И тот факт, что Львица выбрала Томми, поднимал авторитет короля на недостижимую высоту.

Но был еще один нюанс, о котором никто не знал и который Кабба не собирался никому открывать: именно Гранни указала молодому и решительному командиру небольшого вооруженного отряда на богатое алмазное поле и помогла преодолеть первые, самые непростые месяцы, ведущие к возвышению. Гранни была тем счастливым билетом, который достался

сильному, жестокому, но несколько ограниченному Каббе, и он этот билет ценил.

Закончив с приветствиями, Томми расположился в кресле, взял в правую руку стакан с виски и продолжил разговор:

— Я видел твоих солдат в деле: они нереально круты и сильны, но разъяренный слон им не по зубам.

— Именно это я и собираюсь выяснить, — обронила женщина, занимая соседнее кресло — больше в ложу никого не пустили.

— То есть ты не уверена в победе? — оживился Кабба.

— Бой есть бой, — пожала плечами Львица. — Возможны любые неожиданности.

— А если не будет неожиданностей?

— Тогда мой воин одержит победу.

— Сколько ты готова поставить?

Гранни давно поняла, куда клонит азартный лубовник, и легко рассмеялась:

— Все, что ты должен мне за прошлый месяц.

— Хм... — Томми почесал подбородок.

— Пропало желание спорить?

— Я могу себе это позволить, — качнул головой король. — Хоть мы и говорим об очень большой сумме.

Белая Львица помогала Каббе отнюдь не бесплатно — изрядная доля доходов от продажи необработанных алмазов уходила ей, что не могло не тяготить становящегося жадным Томми. Однако затевать разговор о перезаключении договора на «справедливых» условиях он не спешил. Во-первых, догадывался, что понимания не встретит. Во-вторых, потому что Львице беспрекословно подчинялись весьма необычные и немимоверно мощные бойцы, одного из которых она выставила сегодня против злого, как дьявол, слона Томми.

— Мы заключили пари? — поинтересовалась женщина.

— Да, — кивнул Кабба.

— Ты дал слово.

Кабба кивнул еще раз, усмехнулся и подал знак начинать развлечение.

Служители распахнули северные ворота, и на арену величественно вышел Нгево — гигантский саванный слон, бывший и предметом гордости Томми, и его любимой игрушкой. Такие слоны давно исчезли с этой земли — Нгево доставили королю специально, и старатели взирали на него с благоговением. Погонщик развернул зверя мордой к ложе и выкрикнул положенное приветствие.

Зрители зашумели.

— Красавец, правда? — улыбнулся Томми, с удовольствием разглядывая слона. — У Нгево толстая шкура, и он не любит людей. У твоего парня нет шансов.

— Главное, чтобы ты смог оплатить проигрыш, — мягко отозвалась Гранни. — Все остальное — пустая болтовня.

— Ты дерзкая.

— Знаю.

— Поэтому ты мне нравишься.

— Не только поэтому.

— Верно, — рассмеялся Кабба, после чего положил широкую ладонь на бедро женщины и громко спросил у помощников: — Где второй боец?

И вздрогнул, потому что сидящие напротив зрители зашевелились, образуя проход, через который пробежал очень высокий, гораздо выше Томми, и необычайно широкоплечий, — гораздо шире Томми, мужчина, облаченный в одну лишь набедренную повязку.

Он не растолкал, а, можно сказать, продавил зрителей, выскочил в первый ряд, оттолкнулся от края, прыгнул, сделал в воздухе сальто и приземлился на песок арены. А учитывая, что первый ряд амфитеатра располагался в шести ярдах над ареной, прыжок произвел впечатление.

— Его зовут Макс, — сообщила Гранни, с удовольствием разглядывая слеппленного из мускулов бойца.

— Я должен ревновать? — недовольно осведомился Кабба.

Женщина не сразу поняла вопрос, а поняв, — рассмеялась.

— Нет, милый, конечно нет: Макс предназначен исключительно для боя. Больше ему ничего не нужно.

И только сейчас король заметил, что мускулистые ноги бойца сходились так плотно, что в промежности оставалось совсем мало места... если оно вообще было.

— Много тренируется?

— Ага.

— Э-э... — Томми внимательно посмотрел на Львицу, затем на воина, вновь ощупал взглядом его пах и ухмыльнулся: — Зачем же он дерется?

— Потому что это единственное, что ему нужно, — ответила Гранни и тоже перевела взгляд на воина.

Макс молча вскинул вверх левую руку с зажатым в ней копьём.

И тут же отпрыгнул, потому что погонщик, подчиняясь едва заметному жесту Каббы, заставил слона нанести резкий и неожиданный удар. Но Макс отпрыгнул, увернувшись от мощных бивней, и тут же метнулся в сторону, поскольку Нгево бросился в атаку, намереваясь раздавить противника тяжеленными ногами. Зрители заорали, а Томми широко улыбнулся:

— Это будет интересно.

— Тебе понравится, — пообещала Гранни, не сводя взгляда с мечущегося по арене бойца.

— Рано или поздно Нгево прижмет его к стене, — рассмеялся Кабба. — И размажет по ней.

Казалось, так и произойдет.

Несмотря на колоссальные размеры, слон двигался быстро, смертельно быстро, почти мгновенно реагируя на финты Макса. И постоянно атаковал. Нгево умел и любил атаковать: поддеть бивнями или пнуть коленом, растоптать или схватить хоботом — великолепно дрессированный зверь представлял собой страшного противника, однако сегодня он схватился с не менее опасным бойцом. Макс отступал, но не паниковал, а главное — не уставал, это Кабба видел отчетливо. Движения бойца оставались резкими и быстрыми. Даже пропуская удары — а Нгево ухитрился дважды достать Макса бивнями, правда, вскользь, — воин Белой Львицы молниеносно поднимался с земли и продолжал финтить. Чтобы завалить противника, требовался по-настоящему мощный удар, но слон не успевал его нанести.

— Как долго он будет бегать? — недовольно спросил Томми. — Пока не устанет?

— Пока не убьет, — ровно отозвалась Гранни и сделала маленький глоток виски.

— Этого не будет.

— Разумеется.

Кабба бешено посмотрел на женщину, после чего подозвал одного из помощников и что-то прошептал ему на ухо. Тот кивнул и быстро вышел из ложи.

А бой продолжался. Бой, полный уклонений и финтов. Бой, который заводил зрителей, но выводил из себя зверя, и Нгево разозлился. Никогда раньше гиганту не приходилось сражаться со столь быстрым

противником, которого он никак не мог загнать в угол. Арена не отличалась грандиозными размерами, и слон не привык тратить много времени и сил на то, чтобы расправиться с врагом. По его расчетам, дерзкий человечек уже должен был быть растоптан, но тот продолжал мельтешить перед глазами, и Нгево разозлился. Затрубил, разъяренно потряс головой и прибавил ходу, надеясь добраться до противника как можно быстрее. Зрители оживились, завопили, начали повышать ставки, и мало кто из них понял смысл слоновьего рева. А вот Макс понял и улыбнулся, впервые отразив на лице хоть какую-то эмоцию. Макс понял, что разъяренное животное перестало быть опасным, и удобнее перехватил копьё.

— Раздави его! — завопили зрители. — Убей! Убей!!

Они видели то, что хотели: бегущего слона, замершего неподвижно бойца, и не понимали, что их фаворит потерял осторожность. Они жаждали крови человека с копьём, яростно и бездумно — как сорвавшиеся с цепи вампиры, — позабыв, что на арене находятся два зверя, а не один.

— Убей!!!

Нгево рядом. Макс прыгает... но на этот раз не вбок, как следовало бы, а назад, к стене. И зрители режут, поскольку видят, что Макс наконец-то допустил ошибку — прыгнул к стене. Прижался к ней спиной, потеряв возможность маневрировать, оказался во власти разъяренного животного... Нет, не оказался.

Дальнейшие действия бойца отличались необычайной, невероятной точностью и ловкостью. Подпустив слона, он все-таки прыгнул, вперед и вверх. Увернулся от хобота, вскочил на бивень, чудом удержав равновесие, оттолкнулся вновь, запрыгнув животному на голову, пинком сбросил перепуганного погонщи-

ка, схватил копьё двумя руками, размахнулся и с чудовищной силой вонзил оружие в череп слона. Удар получился настолько мощным, что копьё пробило крепчайшую кость и вошло в мозг зверя.

Нгево пошатнулся.

Ошарашенные зрители замерли, не веря в происходящее, а Львица улыбнулась и посмотрела на Каббу:

— Ты должен мне изрядную сумму, милый.

Слон рухнул на песок.

Соскользнувший с него Макс медленно обошел поверженного гиганта, остановился напротив «королевской» ложи и вскинул вверх сжатую в кулак руку. Гранни благосклонно улыбнулась. Воин почтительно поклонился Белой Львице и повернулся к зашумевшим зрителям. И в этот самый момент Томми поднял принесенный помощником гранатомет и выстрелил. Увернуться от этого удара Макс не смог, даже если бы видел момент выстрела. А он не видел и умер: граната врезалась ему в спину и взорвалась, разметав победителя по арене. Зрители взвыли от восторга.

Томми отбросил трубку и, отвечая на вопросительный взгляд женщины, произнес:

— Я просто решил проверить, можно ли его убить?

Гранни помолчала, разглядывая довольного собой Каббу, а затем расхохоталась.

* * *

*Истринское водохранилище
Подмосковье, 12 июля, вторник, 09:28*

Воистину, нет ничего прекраснее раннего летнего утра на берегу. Когда тьма уже рассеялась в складках теней, но солнце лишь привстало над горизонтом и едва-едва осветило верхушки деревьев. Лес на той

— И домик чудесный, — одобрила Фатма. — Небольшой, но уютный.

И стоит удачно — недалеко от воды, на высоком берегу, с которого открывался превосходный вид на большое водохранилище

— Твой?

— Нет, — вздохнул молодой шас и тут же добавил: — Но я работаю над приобретением чего-нибудь подобного.

— Тогда чей?

— Я его арендую у моей тети Царины... — Лебра неожиданно сбился. — Арендовал... то есть... хочу арендовать до конца лета... А сейчас приехал, чтобы показать...

Фатма прищурилась, но промолчала, глотнула кофе и улыбнулась, позволяя смутившемуся другу самостоятельно закончить мысль.

— Я хочу арендовать дом до конца лета, чтобы нам с тобой было куда приезжать по выходным, — справился шас. — А если захочешь — не только по выходным... ведь тут, например... тут можно жить... Вместе.

— Ты серьезно? — искренне удивилась девушка.

— Цветочек, я не самоубийца, чтобы делать тебе подобные предложения несерьезно.

И в этой шутке была только доля шутки, поскольку изящная, но тоненькая, как рапира, Фатма происходила из очень опасной семьи Тайного Города, с которой даже навыв рисковали связываться лишь в крайнем случае. Моряны, особенно черные, заслуженно считались грозными противницами: и сильными, и злопамятными, но сердцу не прикажешь, и молодой шас влюбился в хрупкую черноволосую Фатму с первого взгляда.

Ну, может, со второго, потому что при первом взгляде был слишком напуган.

— Как ты относишься к этой... мысли? — Лебра с надеждой посмотрел на возлюбленную.

— Ты такой милый, — улыбнулась Фатма.

— Это значит «да»?

— А о чем ты спрашивал? — хихикнула девушка.

— Я... — Он снова сбился. — Ну... я хотел узнать...

— Тихо! — неожиданно жестко велела Фатма, и Лебра послушно замолчал. — Слышишь?

— Что?

— В сарае кто-то есть.

Шас перевел взгляд на небольшое строение у самой воды, то ли сарай, то ли элинг, в котором тетя Царина хранила моторную лодку и то, что не поместилось в гараж, несколько секунд непонимающе на него пялился, а затем вспомнил кое-что и громко подтвердил:

— Да!

— Что «да»?

— В нем кто-то есть, но ненадолго.

— В смысле? — теперь растерялась Фатма.

— Ну... — Лебра снова замялся, однако на этот раз не от романтического смущения. — Там... Копыто...

— Шапка?

— Копыто, — упавшим голосом повторил шас.

— Он все равно Шапка, — отрезала девушка.

— Да, — не стал спорить Лебра.

— Что он здесь делает?

— Ему некуда было податься...

— В Москве закончились канавы?

— ...Ему нужно было спрятаться, и я разрешил...

— Шапка сидел в сарае все время, пока мы здесь были?!

В глазах тоненькой девушки вспыхнул такой огонь, что от его жара Лебра мгновенно вспотел. И едва не покрывлся волдырями.

— Спящий меня храни, ни в коем случае, — заморгал головой шас. — Я не самоубийца.

— Тогда рассказывай!

— Я и хотел.

— Не юли!

— Я и не собирался. — Он вздохнул. — Когда Копыто сказал, что ему нужно спрятаться, я вспомнил, что соседи тети Царины на все лето уехали в Испанию, и предложил ему пересидеть опасное время в их сарае.

— Не в этом? — уточнила Фатма.

— В трех участках левее, — уточнил шас.

— Тогда что он здесь делает?

— Может, решил, что мы уехали? — предположил Лебра, мысленно проклиная нерасторопного дикаря.

— И решил ограбить твою тетю?

— Я обещал оставить в сарае пару бутылок виски.

Без которого мозги Красных Шапок попросту отказывались работать.

Подношение было частью благодеяния, которое Лебра оказывал... ну... не приятелю, конечно же, но знакомцу, и соскучившийся по качественному алкоголю дикарь явился в точно назначенный день.

Но в совершенно неудачный час.

— Зачем ты это делаешь? — поинтересовалась девушка.

— Ну... — Шас в очередной раз сбился.

— Неважно, — моряна прищурилась. — Почему Шапка обратился за помощью к тебе?

— Думаю, он много кому жаловался, но я...

— У тебя оказалось доброе сердце.

— Ты ведь знаешь.

— Знаю... — Фатма сделала еще один глоток кофе, вспомнила утреннее купание — без одежды, вчераш-

бандану и скрытый мороком боевой пояс с ятаганом и пистолетом в кобуре. Шапки всегда таскались по Городу с оружием, однако воинами были не самыми лучшими. — Сам бойся, если тебе надо!

— Мне не надо, — покачал головой Лебра.

— А что тебе надо?

— Чтобы здесь был порядок, — ответил шас и чертыхнулся.

Потому что за краткое пребывание в сарае тети Царины Копыто ухитрился учинить в нем форменный разгром: две полки обрушены, их содержимое валяется на полу, и не только валяется — из раскрывшейся банки вытекает краска. Стоявшая на прицепе лодка отчего-то покосилась, из-за борта торчат черенки лопат и прочего садового инструмента, который еще вчера был аккуратно собран в правом ближнем углу...

— Ты что натворил?

— Третью бутылку искал, — сообщил Копыто. — Куда ты ее запрятал?

— Кого? — не понял шас.

— Третью бутылку вискаря.

— Мы договаривались на две.

— Правда? — изумился дикарь.

— Правда!

— Две мало, — поразмыслив, выдал Копыто. — Две — это мне только до электрички добраться.

— Вообще-то это ты должен мне заплатить за то, что я тебя спрятал, — опомнился шас.

— Не ты, а соседи твоей тети, — едко перебил его дикарь. — И не по своей воле. Фактически ты их ограбил.

— Ого, как ты заговорил.

— Нормально заговорил, — отрезал Копыто, но в следующий миг вспомнил, что к Лебре, возможно,

еще придется обращаться, и сбавил обороты: — Ты это... Спасибо, что выручил, — выдал он и дружески шмыгнул носом. — Без тебя я бы пропал... наверное... — За разговором дикарь ловко откупорил бутылку виски, сделал большой глоток и продолжил: — Я приберусь тут, если получится, и уйду быстро. Так что не парься.

— Я не парюсь. — Шас потоптался, прикидывая, сумеет ли Шапка вернуть сарай в предыдущее состояние, вздохнул про себя, привыкая к мысли, что часть следующих выходных придется посвятить уборке, и осведомился: — Есть куда пойти?

— В Форт вернусь.

— Примут?

— А куда денутся?

— Ты говорил, что Кувалда тебя убьет, — припомнил шас.

— Остыл уже небось, — махнул рукой Копыто. — А мне работать надо, бизнес делать.

— Тебе что? — поперхнулся Лебра.

— Я стартап придумал, — важно ответил дикарь. Помолчал и добавил: — Снова.

Потому что, в отличие от подавляющего большинства сородичей, Копыто славился не столько тупостью, сколько высочайшим для Красных Шапок уровнем изобретательности и постоянно влипал в высокодоходные авантюры той или иной степени безумия.

Впрочем, Лебра этого не знал и потому слегка растерялся:

— То есть ты уже придумывал бизнесы?

Копыто важно посмотрел на шаса, сделал еще глоток виски и усмехнулся:

— Молодой ты еще, многого не знаешь.

На подобное замечание из уст дикаря имело смысл обидеться, однако удивление было столь велико, что шас не обратил внимания на дерзость и деловито поинтересовался:

— Что теперь за стартап?

— Современный.

— Какой?

— Не стану я говорить. — Копыто насупился, сделал еще один глоток виски и насупился сильнее. — Зачем плодить конкурентов?

— Мне с тобой конкурировать некогда, я «ЭлектроБарыгой» занимаюсь, а в свободное время на государственной службе в Зеленом Доме состою, — напомнил Лебра. — Времени у меня нет, так что можешь выкладывать свой замысел безбоязненно.

— А-а...

— И может быть, сумеешь заполучить перспективного инвестора.

— О-о...

— Что за стартап?

— Интеле... интеллектро... интро...

— Интеллектуальный? — подсказал дикарю шас.

— Да, — важно кивнул Копыто, ничуть не смутившись от того, что Лебра произнес за него такое сложное слово, и принялся вещать: — Ты никогда не задумывался над тем, как бездуховно мы живем? Современный мир сложен и жесток, в нем легко запутаться, потерять грани, берега, понятия и скрепы. Что случится в голове бойца, если он вместо того, чтобы воровать и грабить, сядет в социальную сеть постить котиков? Или будет рассказывать, как расстроился вчера из-за того, что в «Средстве от перхоти» ему не налили виски в долг? Куда катится мир? — Дикарь выдержал паузу и строго осведомился: — Ты меня понимаешь?

— Кажется, да, — почти серьезно ответил шас, с трудом сдерживая подступающую истерику. Лебра, конечно, понимал, что будет смешно, но не ожидал, что настолько.

— Вместо того чтобы устроить драку и забрать все деньги из карманов побежденных, они жалуются друг другу и едва не плачут.

— Что же делать?

— Необходимо тренировать бойцов, — убежденно ответил Шапка.

— Это понятно.

— И мотивировать.

— Ах, вот в чем дело! — Шас наконец-то понял, куда клонит собеседник. — Ты открыл для себя коучинг?

— Почему вы его от нас скрывали?

Лебра удивленно вскинул брови, но промолчал, но очень хорошо понимая, как можно ответить на этот вопрос. Копыто подождал, а когда понял, что шас не собирается ничего говорить, поинтересовался:

— Можно я заберу книгу?

— Конечно... — махнул рукой Лебра, но в следующий миг опомнился: — Что за книга?

— Я ее здесь, в сарае, нашел, когда только приехал и ты ходил смотреть, чтобы соседи точно уехали, а я ждал, — рассказал дикарь. — Ну и взял потом, чтобы не скучно было отсиживаться.

— Что за книга? — повторил шас.

Копыто расстегнул жилет, вытащил из-за пазухи завернутое в чистую тряпицу сокровище, развернул и показал обалдевшему Лебре потрепанную брошюру «Человская глупость: заразная болезнь или возможность прибыльного бизнеса?».

*Замок, штаб-квартира Великого Дома Чудь
Москва, проспект Вернадского,
12 июля, вторник, 12:12*

— Тебе холодно?

Голос безжизненный, искусственный, намеренно искаженный так, что непонятно, принадлежит он мужчине или женщине. Скорее всего, мужчине, потому что в Ордене только мужчины обладают настолько серьезными способностями к магии, чтобы вести эксперименты с Заклинателем. И вообще — серьезными магическими способностями. Но мог принадлежать и женщине: Дагни знала, что в Ордене есть несколько молодых чуд, не обладающих талантом к колдовству, зато преуспевших в естественных науках и способных помочь в исследованиях. Это раньше кареглазые дамы сидели по домам в скучном ожидании суженых, то есть в строгом соответствии с требованиями суровых рыцарских нравов, а теперь среди них появлялось все больше тех, кто отправлялся в «человеческий мир» за образованием и работой.

— Тебе холодно?

— Что? — Задумавшись, Дагни совершенно позабыла, где находится, и вздрогнула, услышав повторный вопрос.

— Тебе холодно?

— Нет.

— Не лги.

— Мы видим мурашки, — включился в разговор второй голос, такой же неестественный, как первый, но с чуть иными интонациями безжизненности. — Твои соски затвердели.

Дагни опустила взгляд и убедилась, что невидимые наблюдатели правы.

— Ты немного дрожишь.

— У тебя слегка подрагивает нижняя губа.

— Мы это видим.

Они видели все.

Исследования проводились в большом, весьма прохладном зале, ярко освещенном и напичканном высококласными видеокамерами, которыми управляли профессиональные операторы. Девушку снимали со всех ракурсов, потому что опасались упустить даже незначительную деталь, даже тень движения, боялись упустить мелочь, способную пролить свет на удивительную тайну, до которой мечтали добраться чуды.

На секрет, который Дагни хранила, но не знала об этом.

Ярга вживил в тело девушки загадочный артефакт — «кольца Саббаха», уникальное и необычайно сложное магическое устройство, превратившее Дагни в могущественного Заклинателя джиннов, в мага, управляющего поразительными существами, способными справиться один на один даже с навом.

Ради этого секрета чуды проводили бесконечные «научные сессии», изводя девушку тестами и расспросами.

И не только научными.

— Было очевидно, что ты замерзла, — произнес первый.

— Если так, то зачем спрашивали? — огрызнулась рыжая.

— Ты должна ответить.

— Ты должна ответить.

Они произнесли одинаковые фразы, но не хором, а строго друг за другом, как будто исследователи сидели в разных комнатах и не согласовывали свои действия. На самом деле в операторском зале находилось не менее семи специалистов в самых разных науках

и несколько их помощников. Пульт управления был один, общий, и два сидящих за ним чуда не только видели друг друга, но и общались. А вопросы дублировали со скуки. И в надежде сбить девушку с толку.

— Ты должна ответить, — грубовато повторил первый, заметив, что пауза затянулась.

— В какой-то момент мне стало холодно, — призналась Дагни.

— Почему ты солгала?

— Просто так.

Потому что надоело стоять обнаженной на каменном подиуме и знать, что тебя и разглядывают, и снимают на видео. А потом — обсуждают. Просто надоело, никаких других эмоций у девушки не осталось.

После самой первой «сессии», во время которой ей пришлось голой простоять перед колдунами почти два часа, Дагни чувствовала себя испачканной и униженной. Она с трудом дотерпела до конца процедуры, а вернувшись в апартаменты, плакала несколько часов и долго-долго стояла под душем. Девушка совсем не была «домашним ребенком», ее цинизму и знанию жизни мог позавидовать иной ветеран большого города или «горячих точек», но «сессия» ее задела. Может, потому что не ожидала. Может, потому что цинизм по какой-то причине дал трещину.

Отрыдавшись, Дагни сказала себе, что слезами горю не поможешь, что ей придется исполнять приказы рыжих, загнала эмоции глубоко внутрь и стала относиться к происходящему с холодным равнодушием. «Сессии» больше не унижали ее, но в какой-то момент осточертели.

— Я ответила на ваш вопрос?

— Да.

— На этом все?

— Мы скажем, когда закончится сессия.

— Мы скажем, когда закончится сессия.

Кажется, они засмеялись, едва успев отключить микрофоны. Впрочем, плевать — пока она в их власти, они вольны делать все, что им вздумается.

Дагни изучали как редкую, случайно оказавшуюся на планете зверушку, обладающую невиданными качествами. Впрочем, так оно и было, поскольку для многих высокомерных рыцарей девушка в первую очередь была не Заклинателем, а уникальной чудой, колдовские способности которой не уступали мужским и даже превосходили их. И рыцари внимательно изучали феномен, искренне надеясь, что больше подобное не повторится и им не придется терпеть появление женщин-магов.

— Ты прочитала манускрипт, который тебе дали вчера?

— Прочитала, — кивнула девушка.

— Ты поняла, что в нем написано?

— Я еще на первой сессии сообщила, что читаю и говорю на чудском, — язвительно ответила девушка.

— Ты поняла, что написано в манускрипте?

Несколько секунд она молчала, подбирая еще более язвительную фразу, поняла, что результатом станет либо замечание, либо равнодушие, подавила гнев и кивнула:

— Да.

— Что написано в манускрипте?

— Два заклинания, — ответила Дагни, подумала и добавила: — «Серебряные колокольчики» и «Скрытая сила».

Простенький охранный аркан и довольно сложный боевой, высвобождающий энергию даже самых стабильных веществ. Чуды специально подобрали два

◆◆◆◆◆
абсолютно разных заклинания, чтобы посмотреть, как девушка с ними справится. Причем сама справится, без дополнительных инструкций и посторонней помощи.

— Тебе уже доводилось творить эти арканы?

— Только «Серебряные колокольчики».

— Ты раньше слышала о «Скрытой силе»?

— Нет.

— Можешь сотворить его сейчас?

— Да.

— Покажи.

— Во мне почти нет энергии.

— Мы знаем.

Помощник подал девушке маленькую пузатую бутылку — «батарею» с энергией Карфагенского Амулета, — Дагни вскрыла ее, тут же закупорила горлышко большим пальцем правой руки и закрыла глаза, с наслаждением выпитывая живую магию. Ее оказалось немного — чуды не собирались рисковать и кормить уникальную пленницу слишком большим запасом, — но достаточно, чтобы ощутить восхитительную мощь энергии.

— Я установила «Серебряные колокольчики» в радиусе трех ярдов вокруг себя, — сообщила девушка, не открывая глаз.

— Сейчас проверим... — начал было второй оператор, но закончить не успел: девушка улыбнулась и послала упругую воздушную волну в подавшего «батарею» чуда. Мощный удар швырнул бедолагу в угол, по дороге он пролетел через «Колокольчики», и зал наполнился нежным перезвоном магических цветов, которые приятно отделили грязные ругательства врезавшегося в стену рыцаря.

Дагни ожидала взбучки, но оператор среагировал на выходку на удивление хладнокровно. Как будто ожидал чего-то подобного.

— С «Колокольчиками» ты справилась, — сообщил безжизненный голос. — Что насчет «Скрытой силы»?

— На ком продемонстрировать?

— В правом от тебя углу стоит табуретка.

Девушка резко развернулась и бросила на нее короткий взгляд. Раздался грохот, полыхнула вспышка, по залу прокатилась ударная волна, и полетели осколки камней из стен, изуродованных обломками табуретки.

— Впечатляет, — не стал скрывать оператор.

Девушка мило улыбнулась.

«Скрытая сила» относилась к числу сложных арканов, творить которые могли только маги высшего уровня, и тот факт, что Дагни самостоятельно разобралась в описании заклинания и превратила обыкновенную табуретку в мощную бомбу, заставил исследователей изумленно притихнуть.

— Всегда пожалуйста, — легко отозвалась Заклинатель, холодно глядя на поднимающегося с пола помощника.

— Чего бы тебе хотелось? — поинтересовался первый.

— Одеться, чтобы вы перестали на меня пялиться, — громко ответила Дагни.

Помощник тут же отвел взгляд, а вот насчет остальных чудов девушка не была уверена.

Она выглядела молодо, даже не юной девой, а подростком лет шестнадцати: рыжая девочка с красивым узким лицом, тонкими губами, чуть вздернутым носиком и большими карими глазами. Худенькая, слегка угловатая, но с большой, развитой грудью, полной и упругой, привлекающей мужские взгляды. Уже не девочка, еще не женщина...

Но гораздо больший интерес — и у магов, и у обычных чудов, и у всех жителей Тайного Города — вызвали бесчисленные золотые кольца Дагни, тонкие, без

камней, украшенные черненой арабской вязью. Кольца были повсюду: на всех пальцах, в ушах, в правой ноздре, в левом соске, в пупке, — пронзали кожу на ногах, руках и шее... «Кольца Саббаха», связанные паутинкой золотой цепочки, кольца, которые и были тайной, над которой бились лучшие умы Ордена. Кольца, призывающие неудержимых джиннов.

— Одевайся, — разрешил первый.

— Завтра мы проведем боевую сессию, — сообщил второй. — Ты будешь готова?

— Я всегда готова.

— Мы пришлем тебе план сессии.

— Лучше пришлите побольше магической энергии.

— Может, тебе прямой канал к Источнику открыть?

— Открой. — Девушка передернула плечами. — Я выдержу... А ты?

— До завтра, — после паузы произнес первый.

— До завтра, — поддержал его второй.

Дагни не ответила. Наклонилась за сброшенной на пол мантией, медленно наклонилась, зная, что за ней наблюдают, нарочито неспешно надела, а завязывая пояс, улыбнулась.

«Интересно, вы специально заставляете меня раздеваться? Потому что я дочь великого магистра?»

* * *

*офис компании «Неприятные Ощущения»
Москва, улица Большая Лубянка,
12 июля, вторник, 13:06*

— Помоги мне!

— Ты должна прыгнуть и схватиться за мою руку!

— Я не сумею!

— Ты должна!

◆◆◆◆◆

Инга умеет держать себя в руках, поэтому не рыдает, не дрожит, как скала под ней, и внимательно наблюдает за действиями Артема. Который висит над пропастью на крепком фале, на лебедке спустившись из кабины вертолета. Висит совсем рядом, ярдах в пяти, не больше, но это непреодолимая преграда, потому что к скале вертолет не может приблизиться, опасаясь задеть камень винтом.

Нужно прыгать. И поэтому наемник раскачивается на тросе — чтобы оказаться ближе к девушке. Инга все понимает, только не решается, и Артем кричит:

- Ты сможешь!
- Мне страшно!
- Я рядом!
- Ты далеко!
- Я всегда рядом! Я всегда буду рядом!
- Темка!!!

Ее крик теряется в грохоте.

Скала взорвалась: чудовищной силы удар прошел через нее так, словно высокая гора была полой, и выбил верхушку, как пробку из бутылки шампанского. Гигантский конус взлетел к облакам, на мгновение застыл, выбирая, по какому склону скатываться, а затем рухнул вниз, к счастью, с другой стороны скалы. Но это не особенно помогло, потому что через секунду стала рушиться сама «бутылка». По камню побежали глубокие трещины, карниз рассыпался, но за мгновение до того, как потерять опору, Инга все-таки прыгнула и дотянулась до Артема.

- Отлично!
- Я не удержусь!
- Мы сможем! — Наемник почувствовал, что девушка выскользывает из захвата. — Инга!
- Ты обещал, что будешь рядом...

— Инга, — прошептал наемник. — Инга...

Тишина.

Окно закрывала плотная штора, в спальне царила тьма, но она Артему не мешала — наемник прекрасно ориентировался и знал, что где находится. Он медленно встал с кровати, наклонился, поднял с пола сброшенный перед сном халат, накинул на плечи и направился в гостиную. Но, открыв дверь, остановился и прищурился, привыкая к яркому свету.

Ну, не совсем в гостиную...

Спальня выходила в главный зал знаменитого офиса наемников Кортеса — туристическую фирму «Неприятные Ощущения». Здесь по-прежнему стояли четыре стола с компьютерами, кресла для посетителей, кофеварка, и висели на стенах плакаты с туристическими пейзажами... то есть все выглядело в точности как раньше, когда в офисе бурлила жизнь: проходили встречи с заказчиками, в роли которых выступали даже высшие иерархи Тайного Города, совещания, на которых наемники придумывали головокружительные операции, и вечеринки в честь их удачного завершения.

Раньше они старались жить полной жизнью, но какое это имеет значение теперь?

Ведь в зале тихо и пусто.

Компьютеры выключены, кофеварка не заправлена, бар почти опустошен, а на рабочем столе Артема вот уже несколько дней лежит вырванный из блокнота листок с неровными строками:

«Дружище, я больше не могу... Мне нужно... нет, мне необходимо побыть одному. Я знаю, тебе сейчас так же нелегко, как мне, но не могу делить горе даже с тобой... И не могу тебе ничем помочь. Прости, я должен уехать, не ищи меня... Еще раз прости».

Смерть Яны надломила Кортеса. Не сломала, во всяком случае, Артему хотелось верить в то, что железный стержень лидера уцелел, но надломила. Артем помнил застывшую маску, в которую превратилось лицо Кортеса, когда им позвонили. Помнил боль, которая появилась во взгляде, а точнее, поселилась во взгляде, потому что боль больше не ушла. Помнил, как порою Кортес останавливался и принимался оглядываться, словно пытаясь проснуться... Помнил все, поскольку знал, что сам выглядит и ведет себя так же. Помнил, потому что видел в Кортесе себя.

Еще Артем помнил слова друга: «Я не сомневался, что умру первым...» И не удивился, увидев однажды утром вырванный из блокнота листок.

Прочитал. Не обиделся. Но к записке не притронулся, оставил лежать на столе.

И приучил себя не смотреть на листок желтой бумаги. Тишина...

И повсюду — напоминания об Инге: ее заколка, ее фото, ее артефакты, замаскированные под безделушки и драгоценности. Ее запах на подушке.

И тишина...

Острая боль, ярость, горечь, недоумение, отчаяние, желание кричать, выть и проклинать все на свете, всю несправедливость, отчаяние — все осталось позади. Осталось в том черном мгновении, когда Кортес отнял от уха телефон и тихо сказал: «Девчонки пропали». Но по его глазам стало ясно, что все намного хуже... Осталось на проклятом острове... на камнях, в которые он превратился. Осталось в словах Сантьяги: «Надежды нет...» Осталось в нескольких днях беспомыслия.

А теперь эмоции сторели.

Кортес уехал.

Тишина...

И даже бутылка не спасала: горечь потери легко пробивалась сквозь крепкий алкоголь. Последний раз Артем напился два дня назад и с тех пор к стакану не прикасался. Вчера весь день просидел в кресле, бездумно глядел в окно. То ли в апатии, то ли в забытьи.

Изредка отключался, ронял голову на грудь и видел все тот же сон, выдуманный, но реалистичный: как рушится остров, как падают камни, исчезая в бездонной пропасти, а он раскачивается на тросе, делая все, чтобы Инга смогла допрыгнуть. Он успевает схватить ее за руку. И успевает посмотреть в ее глаза.

Прежде, чем любимая исчезнет...

Навсегда.

И несмотря ни на что, Артем не боялся этого сна. Наоборот, искал его, потому что только в нем мог снова увидеть Ингу, почувствовать ее запах, ее прикосновения, ее любовь.

И проклясть себя за то, что не оказался рядом, когда был так нужен ей.

* * *

*Замок, штаб-квартира Великого Дома Чудь
Москва, проспект Вернадского,
12 июля, вторник, 13:09*

Данные, данные, данные, данные... Цифры, формулы, разъяснения и снова цифры. Сидящий за письменным столом Франц — Франц де Гир, великий магистр Ордена, полномостный повелитель Великого Дома Чудь, — по очереди вызывал на экран компьютера таблицы, графики, отчеты, быстро, но внимательно проглядывал их, изредка задерживаясь на особенно интересных показателях, качал головой и продолжал изучение.

Цифры, формулы, цифры...

И где-то там, в таблицах, графиках и сухих пояснительных строках: его дочь. Его единственная дочь, которую маги и ученые Ордена раскладывают на формулы, потому что ее способности и удивляют, и пугают. Потому что подтвержденный магический уровень Дагни де Гир — «командор войны», по меркам чудов, в классификации Зеленого Дома — «возможно, жрица», а в реальности — нечто невероятное. Поскольку еще ни одна женщина в истории Ордена не обладала столь высокими способностями к колдовству.

Женщина — командор войны? Чушь!

Но графики не лгут, а подтвержденная исследованиями чушь становится истиной.

Его Дагни — ведьма высочайшего уровня.

Только вот она не совсем чуда...

— Можно? — Гуго де Лаэрт, мастер войны, капитан гвардии великого магистра, высший боевой маг Великого Дома Чудь, приоткрыл дверь и осторожно заглянул в кабинет. — Есть минута?

Явился, как всегда, без доклада, но не благодаря положению, а на правах старого, верного друга. Явился по делу, но чуть раньше, чем следовало, и улыбнулся, дав понять, что готов поговорить о чем угодно.

— Проходи, — кивнул Франц, не убирая с экрана ноутбука последний график.

Откинулся на спинку кресла и потер переносицу.

— Что изучаешь?

— Вчерашние отчеты о Дагни. — Де Гир помолчал, после чего тихо спросил: — Видел их?

— Да, — коротко ответил мастер войны.

— Что скажешь?

— Ответить честно? — шутливо поинтересовался Гуго, усаживаясь напротив де Гира.

— А как же еще?

Мужчины коротко рассмеялись.

Они были похожи: оба рыжие, с аккуратными бородками, кареглазые, плечистые и сильные. Как все чуды, любили натуральные ткани и пряжки на обуви. Как все воины, были покрыты шрамами и не скрывали их. Главное же их отличие друг от друга заключалось в поведении: Гуго, который всегда был весельчаком, остался таким, даже заняв высокий пост, а в жестах и голосе Франца чувствовалась настоящая властность, отличающая того, кто повелевает, от того, кто просто отдает приказы.

— Твоя дочь уникальна, — проговорил де Лаэрт, глядя другу в глаза. — И можно сказать — совершенна. Во всяком случае, близка к совершенству, хоть и невозможному, по меркам Ордена. Дагни умна, энергична, обладает колоссальными способностями к магии и при этом красива.

— Говоришь так, будто собираешься просить ее руки, — хмыкнул великий магистр.

— Будь я уверен, что ты меня не убьешь — обязательно попросил бы, — буркнул в ответ Гуго. Кажется, в шутку.

Во всяком случае, Франц пока принял ответ за шутку, решив отложить анализ поведения старого друга на потом. Потому что сейчас перед ним стояла куда более серьезная проблема, в буквальном смысле — жизни и смерти: два других Великих Дома Тайного Города обвиняли единственную дочь де Гира в тяжких преступлениях.

Но и на этом неприятности не заканчивались, поскольку Дагни была не только обвиняемой в убийствах дочерью великого магистра, не только Заклинателем, имеющим власть над джиннами, и не только сильней-

шей ведьмой в истории Ордена. Дагни была «прилипа-лой» — скрытой полукровкой, которых борющиеся за чистоту крови Дома безжалостно истребляли. Обычные полукровки считались деградантами, ведь доминирующими у них в обязательном порядке оказывались гены «младшей», менее сильной расы, но прилипалы были исключением из правил: они брали только лучшее и только у «старшего» родителя. Именно за это чистокровные нелюди отказывали им в праве на жизнь.

К счастью, об этой особенности дочери знал только де Гир.

Ну а «вишенкой» на торт неприятностей служил тот факт, что Дагни успела рассориться и с частью соплеменников, отчего отношение к ней в Ордене тоже было неоднозначным. Большая часть чудов с интересом восприняла появление таинственной девушки — Заклинателя и сильного мага, однако ссора и публичное унижение Кольдера де Бера, одного из ярких лидеров молодого поколения рыцарей, принесли девушке изрядное число врагов и лишили однозначной поддержки Великого Дома.

Гуго де Лаэрт сказал, что Дагни близка к совершенству, однако лучше всего у нее получалось заводить врагов, и любой прагматичный политик должен был отказаться от такого «подарка», но автор этической задачи угодил точно в «яблочко»: Франц не мог бросить единственного ребенка.

И при этом прекрасно понимал, что против него ведется хитроумная игра и он оказался в ловушке.

В ловушке по имени Дагни.

— В ней скрыта огромная сила, — произнес де Гир, кивнув на экран.

— Мы все изумлены, — негромко поддакнул де Лаэрт.

— Дагни принесет Ордену много пользы.

— Вне всякого сомнения.

— Она уникалум...

— Но она под ударом, — вздохнул мастер войны и напомнил: — Переговоры.

— Да, — угрюмо отозвался Франц. — Переговоры.

Отсрочка в несколько дней, которую он зубами вырвал у Великих Домов для «изучения вопроса», истекла, и сейчас у него будут требовать кровь его дочери. Будут требовать те, с кем он не раз воевал. И будут в своем праве.

— Зеленые и темные сообщили, что готовы начать встречу, — произнес Гуго, прочитав пришедшее в смартфон сообщение.

— Значит, нужно идти. — Франц поднялся с кресла.

— Что ты решил? — не сдержался де Лаэрт, который прекрасно понимал стоящий перед другом выбор.

— Посмотрю, как пойдет разговор, — ответил де Гир, выходя в коридор. — Тогда и приму решение.

Из чего мастер войны понял, что великий магистр собирается сражаться за дочь до последнего.

В целях экономии времени, а также из-за возросшего уровня взаимного недоверия переговоры между высшими иерархами проходили по сети в режиме видеоконференции, а за их конфиденциальность отвечали лучшие специалисты Тайного Города. Сплав современной технологии с классической магией гарантировал, что ни один хакер, включая работающих на человеческие спецслужбы, не сумеет подключиться к беседе. А значит, говорить можно абсолютно свободно.

— Добрый день! — произнес де Гир, опускаясь в кресло. — Вы пунктуальны.

Собеседники ответили на приветствие легкими кивками, но промолчали.

На правый от великого магистра монитор шла передача из дворца людов: де Гир увидел Всеведу, Берегиню Трона Великого Дома Людь и, возможно, следующую королеву. Это была весьма пожилая, по меркам зеленых, жрица, сумевшая тем не менее сохранить роскошь былой красоты и привлекательности. Однако главным ее достоинством являлся глубокий ум, позволивший Всеведе вплотную приблизиться к вожделенному титулу. За креслом Берегини стоял Сдемир, молодой барон домена Кузьминки, хотя по всем правилам в переговорах должна была принимать участие воевода дружины Дочерей Журавля или доверенная жрица. Но Всеведа выбрала Сдемира, показав, что, несмотря на отсутствие магических способностей, барон занимает в нынешней иерархии Зеленого Дома высокое положение.

Левый монитор связисты отдали навам, и с него на Франца с улыбкой взирал Сантьяга, комиссар Темного Двора, высший боевой маг Великого Дома Навь. Высокий, черноволосый, облаченный в светлый костюм, он выглядел привычно элегантно и даже расслабленно, словно случайно оказался на не очень интересном светском мероприятии, но де Гир знал, что Дагни сильно задела Темный Двор, и понимал, что спокойствие Сантьяги — маска.

Нав и люды явились за его дочь.

За его единственной дочь.

— Рад вас видеть, господа. — Франц улыбнулся. — Всеведа, вы превосходно выглядите.

— Благодарю.

— Говорить правду легко и приятно. — Де Гир повернулся к наву: — Сантьяга.

— Франц.

Сложные разговоры всегда начинаются легко, потому что никто из собеседников не торопится, проверяя настроение и готовность друг друга простенькими, ничего не значащими вопросами.

— Мы как раз говорили с Берегиней о прошедших выборах в Большой Королевский совет, — светски произнес нав.

— А что не так с выборами? — в тон ему полюбопытствовал Франц.

— Как раз наоборот — все замечательно, — жизне-радостно ответил Сантьяга. — Это первое значимое событие за несколько месяцев, которое обошлось без междоусобицы. С чем я Всеведу и поздравил.

Судя по кислому выражению лица, Берегиня оценила язвительность комиссара, но пока не нашлась с достойным ответом.

— Я не думаю, что трагические события, которые имели место в недавнем прошлом, могут являться поводом для шуток, — ледяным тоном произнес Сдемир.

— Вообще-то я искренне порадовался за вас, — вежливо возразил нав. — Мне, знаете ли, надоело читать леденящие душу отчеты...

— Давайте перейдем к делам! — перебила его Берегиня и посмотрела Францу в глаза. — Если вы не против.

— Разумеется, не против.

— В таком случае я начну. — Всеведа не спросила, а поставила собеседников в известность о своих намерениях, после чего перешла на официальный тон: — Великий магистр, от имени Зеленого Дома я повторно требую передать на наш суд девушку, известную как Дагни де Гир. Великий Дом Людья обвиняет ее в убийстве, а поскольку Дагни де Гир не отрицает своей причастности к событиям, приведшим к смерти Богданы,

я считаю, что вопрос абсолютно ясен, и мы должны обсудить, когда именно вы ее выдадите. — Франц попытался воспользоваться короткой паузой, которую Всеведа сделала, чтобы вздохнуть, и прокомментировать услышанное, но Берегиня не позволила себя перебить: — Дополнительно хочу заявить, что Зеленый Дом не обвиняет Дагни де Гир заранее. Мы внимательно изучили все, что было произнесено на слушаниях в Замке, сделали выводы, и я даю слово, что расследование будет проведено честно, с соблюдением всех прав девушки и опираясь на презумпцию невиновности. Если будет установлено, что смерть Богданы наступила в результате несчастного случая, мы немедленно освободим Дагни и принесем ей извинения.

Франц кивнул и улыбнулся:

— На этом все?

— Вы не ответите? — подняла брови Всеведа.

— С вашего позволения, Берегиня, я хотел бы выслушать все стороны, — воспитанно произнес де Гир. И перевел взгляд на темного: — Комиссар, вам есть что сказать?

— Разумеется, великий магистр.

Сантьяга не был главой Великого Дома, занимал самое низкое положение среди участников встречи и потому спокойно отнесся к несколько высокомерному обращению Франца.

— Говорите, — разрешил чуд.

Комиссар бросил быстрый взгляд на Берегиню, едва заметно улыбнулся и уверенно произнес:

— Великий магистр, князь Темного Двора настоятельно требует выдачи на наш суд девушки, известной как Дагни де Гир. Я уполномочен официально заявить, что Дагни де Гир будет предъявлено обвинение в убийстве мастера големов Барраги. Это первое. — Нав вы-

держал малюсенькую паузу. — Второе. Темный Двор считает свое требование приоритетным, поскольку, в отличие от гибели в катастрофе феи Богданы...

— Это неизвестно! — не сдержался Сдемир. — Мы считаем, что Богдану убили!

— ...Смерть Барраги наступила в результате спланированного нападения, — закончил Сантьяга, не обратив никакого внимания на выкрик барона. — Мастер Баррага был убит джинном, а единственный Заклинатель...

— Единственный ли? — перебил его Франц.

— Вы полагаете, есть еще один Заклинатель? — мгновенно среагировал нав.

— Я напоминаю, что нужно провести тщательное расследование, — после паузы ответил великий магистр.

— Совершенно с вами согласен, — не стал спорить Сантьяга. — Именно так мы и собираемся поступить.

Никто из присутствующих не сомневался в том, что навы сдержат слово, изучат случившееся с маниакальным тщанием и доберутся до всех, даже самых мелких и малозначущих на первый взгляд деталей. И никто из присутствующих не сомневался в том, что живой Дагни из Цитадели не выйдет, поскольку навы привыкли жестоко мстить за смерть своих.

— Вы закончили, комиссар?

— Да, — улыбнулся темный.

— Заявление о приоритетном требовании Темного Двора смехотворно, — громко произнесла Всеведа.

— Оно очевидно, — пожал плечами Сантьяга.

— Для вас, — подчеркнула Берегиня.

— Просто: очевидно, — вновь улыбнулся темный.

— Прошу вас, давайте обойдемся без ссор, — попросил великий магистр. — Я выслушал ваши требования и должен их обдумать...

— При всем уважении, великий магистр, у вас было достаточно времени на осмысление происходящего, — мягко произнес Сантьяга.

— Мы хотим получить ответ, — холодно бросила Всеведа.

— Но как мне сделать выбор? — притворно растерялся Франц. — Один из вас обязательно останется недоволен решением, которое я приму.

— Убийство Барраги произошло раньше, — напомнил комиссар Темного Двора. — А значит, по закону мы должны быть первыми.

— Нет! — резанула Берегиня.

— Почему?

— Дагни причастна к убийству Богданы.

— И Барраги.

— Зеленый Дом настоятельно требует выдачи убийцы.

Напор Всеведы производил впечатление и одновременно вызывал удивление, поскольку Берегиня была явно не права, очевидно понимала это, но продолжала яростно давить.

— А если мы дадим слово, что сразу после нашего суда проведем расследование по факту смерти Богданы? — поинтересовался комиссар.

— Мы не сможем казнить Заклинателя дважды, — заявила Всеведа.

— Обязательно нужно дважды?

— Обязательно нужно казнить? — поднял брови де Гир.

Но на него не обратили внимания.

— Нужно, чтобы ее казнили мы.

— Всеведа, будьте благоразумны...

— Я не думаю, что должна выслушивать твое мнение о моем благоразумии, — ледяным тоном заявила

Берегиня. И вновь повернулась к Францу: — Когда мы сможем забрать Дагни?

— Поговорите об этом с Сантьягой, — предложил великий магистр, обрадованный возникшей грызней.

— Я говорю об этом с вами.

— Я рассматриваю требования Великого Дома Навь и Великого Дома Людь как безусловно законные, — медленно произнес де Гир. — Но не собираюсь конфликтовать с кем бы то ни было. Определитесь между собой.

— Дагни находится у вас!

— Она просто ждет нашего решения.

— Давайте проведем общий суд на нейтральной площадке? — неожиданно предложил Сантьяга.

— Как это? — растерялась Всеведа.

Франц тонко улыбнулся.

— Вы и мы по очереди предъявим девушке обвинения, приведем доказательства, определимся со степенью вины, вынесем приговор и приведем его в исполнение.

— Кто приведет его в исполнение?

— Бросим жребий.

— Вы на это согласны? — удивилась Берегиня.

— Я сумею объяснить этот компромисс подданным князя, — медленно ответил Сантьяга. — И самому повелителю.

Навы крайне редко шли на уступки в вопросе наказания преступников, и потому предложение комиссара вызвало естественное замешательство.

— Я должна подумать, — тихо проронила Всеведа.

— Сколько времени вам нужно?

— Не очень много.

И отключила связь.

Встреча закончилась.

Tommy-Gun-Town
Сьерра-Леоне, 12 июля, вторник,
10:15 (время местное)

— Что, сучка, нравится? — прорычал Кабба, наклоняясь к самому уху Львицы. — Нравится?

— М-м... — промычала стоящая на четвереньках Гранни.

— Нравится?!

— М-м... — рот молодой женщины был свободен, но ответить не получалось, потому что Львица никак не могла справиться с рвущимися наружу стонами. Последние пару минут она яростно выла и кричала от наслаждения, вот и не сумела издать хоть что-нибудь членораздельное при ответе на вопрос. Что вызвало у любовника ярость.

— Скажи мне, сучка! — рявкнул Кабба, сжимая Гранни горло. — Скажи! Скажи! — Женщина захрипела. — Скажи!

И одновременно надавил низом живота, словно желая разорвать любовницу изнутри. Надавил с невероятной силой, и напор получился столь страшен, что женщина едва не потеряла сознание.

— Скажи!

— Нравится, — с трудом выдавила она, слегка подывая при ответе.

— Громче! — потребовал Кабба, делая пару резких движений.

— Нравится! — взвизгнула Львица.

— Сучка!

Он оставил в покое ее горло и усилил напор.

— Нравится, — прошептала Гранни, чувствуя, что ее вот-вот разорвет. — Нравится, нравится, нравит-

ся... — И с каждым словом ее голова билась о спинку кровати. — ...Нравится, нравится... — Но женщина этого не замечала. — ...Нравится...

Их ежемесячные встречи всегда заканчивались оргиями.

Сначала — дела, проверка бухгалтерии, уточнение суммы, которую Томми обязан выплатить, определение сроков и способа оплаты: иногда Гранни требовала деньги, иногда алмазы. Затем следовал ужин и вечерние развлечения — как правило, к визиту Львицы Кабба готовил что-нибудь особенно кровавое, поскольку знал, что женщину заводит жестокость. А после «шоу» они отправлялись в «королевский дом», в единственное двухэтажное здание Tommy-Gun-Town, второй уровень которого представлял собой одну гигантскую спальню. И она никогда не пустовала. Кабба развлекался каждую ночь: иногда один, иногда в компании друзей, доставлял женщинам удовольствие или боль, ласкал или наказывал, но встречи с Гранни считал особыми. Она ему нравилась. До исступления нравилась. И Томми знал, что женщина тоже к нему равнодушна. В конце концов, они были похожи: дикие, необузданные, жадно собирающие плоды с древа жизни. Они получали все, что хотели, и всегда брали больше, чем могли унести.

И еще Кабба знал, что они никогда не будут вместе.

То ли его происхождение мешало, то ли ее высокомерие, но барьер между ними был непреодолим и доводил алмазного короля до исступления так же сильно, как сама женщина. Барьер заставлял Томми беситься и щедро смешивать наслаждение с насилием, заставляя Гранни исполнять такие прихоти, на которые согласилась бы не всякая проститутка. Томми казалось, что барьер можно разрушить унижениями и болью, но в результате получался лишь грязный

и неистовый секс, после которого женщина возвращалась к привычному высокомерию. От этого Томми бесился еще сильнее. И набрасывался на Гранни с особенной яростью. Которую подпитывали алкоголь и наркотики.

Сегодня Кабба не давал любовнице спать до шести утра, а проснувшись, вновь принялся за дело. Даже не разбудив как следует, не позволив опомниться — взял сонную, отмахивающуюся, взял очень грубо и до сих пор не отпускал, желая насытиться ею до следующего раза.

Который наступит через месяц.

И с ревом выдохнул, когда все закончилось.

— Нравится, — прошептала стоящая на коленях Гранни и отшатнулась: грязная, потная, усталая, со спутавшимися волосами, но при этом — довольная. — Нравится...

Она облизнулась, провела пальцами по губам, выгнулась на полу, закрыла глаза и блаженно улыбнулась.

И Томми снова, как всегда после их встреч, показалось, что это не он, а она имела его всю ночь, что он здесь проститутка, задача которой — доставить хозяйке удовольствие, и больше ни на что не годная. И эта мысль, как всегда после их встреч, задела Каббу так сильно, что ему захотелось вызвать нескольких парней покрепче и устроить проклятой девке бешеный ганг-банг.

Но сдержался. Отбросил острую, как нож, мысль, поднялся, переступил через медленно извивающуюся на полу женщину, быстро и небрежно ополоснулся под душем и принялся одеваться.

Как всегда, после их встреч.

А натягивая штаны, поинтересовался:

— Во сколько уезжаешь?

— Вертолет прилетит через пару часов, — ответила Гранни, накручивая на палец длинный локон. — Почему спрашиваешь?

— Я всегда об этом спрашиваю.

— Как я могла забыть... — притворно вздохнула женщина и следующую фразу произнесла тоном заботливой домохозяйки: — Милый, тебе что, пора на работу?

— Сучка, — улыбнулся Кабба, застегивая боевой пояс. Вытащил из кобуры «беретту», проверил, вернул на место.

— Во сколько тебя ждать?

— Посмотрю, что происходит в поселке, и вернусь. — Кабба натянул кеппи. — Хочу еще раз трахнуть тебя перед расставанием.

— Только не забудь приготовить мои подарки, — нарочито капризным тоном протянула Гранни.

Двойную выплату за прошлый месяц: то, что должен, и то, что проиграл.

Упоминание «подарков» напомнило Томми о гибели любимого слона и слегка испортило настроение. Однако затем перед его глазами предстала картинка взрывающегося бойца Гранни — перекачанного «льва», кусками разлетевшегося во все стороны, и на душе потеплело.

— Проигрыш верну при следующей встрече, — хмуро заявил он. — Сейчас у меня нет такой суммы.

— Тогда зачем согласился на пари?

— Потому что не сомневался в победе.

— А-а... — Гранни неожиданно легко поднялась с пола, улыбнулась, небрежно поправила волосы, взяла со столика бокал с водой и вышла на террасу, точнее, остановилась в дверном проеме, представ перед поселком во всей красе. — Я так и думала...

И сделала маленький глоток, разглядывая будничную жизнь Tommy-Gun-Town.

Кабба представил, сколько жадных глаз уставилось сейчас на обнаженную красавицу, и у него заходили желваки. Нет, не от бешенства — от удовольствия. Все обитатели поселка знали, что ненасытная белая самка принадлежит ему, и только ему, и все завидовали — эта мысль возбуждала так же сильно, как прелестная фигура Львицы.

— Иди сюда! — громко велел он, позволив любовнице простоять на импровизированном подиуме примерно две минуты.

Гранни улыбнулась и вновь поднесла ко рту бокал. Струйка воды сорвалась с губ и потекла вниз, по вздернутой груди, плоскому животу, и запуталась в густых черных волосах на лобке.

— Иди сюда, сучка.

На этот раз она соизволила повернуться и вопросительно посмотрела на Томми.

— Подойди ко мне и встань на колени.

— Неужели ты снова готов? — притворно удивилась женщина.

— Кто разрешал тебе открывать рот, сучка? — Гранни по-прежнему стояла в дверях, и на нее по-прежнему пялились все, кто оказался поблизости. У Томми раздулись ноздри. — Подойди ко мне!

Теперь она исполнила приказ: отошла от двери — снаружи послышались разочарованные возгласы, — приблизилась к Томми и встала перед ним на колени.

— Ты будешь делать то, что я хочу, и тогда, когда я хочу, — прошептал Кабба, прижимая голову любовницы к паху. — Ты будешь исполнять все, что я пожелаю и ты...

И в этот самый миг раздался первый взрыв.

— Что случилось?

Кабба оттолкнул женщину, выхватил пистолет и крадучись приблизился к распахнутому окну. Осторожно высунулся, прищурился, глядя на горящий пикап, несколько секунд раздумывал, диверсия это или случайность, затем услышал вой приближающейся ракеты, длинную пулеметную очередь, сообразил, что поселок атакован, крикнул:

— Будь здесь! — и побежал к ведущей на первый этаж лестнице. — Я в штаб!

— Конечно, милый, — улыбнулась Гранни.

И если бы Томми не так сильно торопился, то наверняка обратил бы внимание на то, что Белая Львица не напугана и даже не встревожена внезапным нападением. Проводив любовника взглядом, женщина потянулась, зажмурившись и довольно улыбнувшись, поднялась с колен, неспешно встала под душ и принялась с наслаждением мыться. Быстро, но неторопливо. Будто зная, что спешить некуда и она успеет сделать все, что задумано.

И не обращала никакого внимания на выстрелы и взрывы.

///

Штаб располагался в соседнем с «королевским домом» здании и составлял с ним и еще несколькими постройками единый комплекс с общей защитной стеной и четырьмя пулеметными вышками. Сейчас одна из них горела, пережив, а точнее — не пережив попадание ракеты, а с остальных басовито грохотали станковые пулеметы. Правда, стреляли они неизвестно куда: охранники просто «отвечали на атаку», ведя заградительный огонь, в надежде, что сумеют достать врага.

— Что происходит? — громко спросил Кабба,

стремглав преодолев внутренний двор и оказавшись в защищенном помещении.

И отметив про себя, что собравшиеся в штабе солдаты — его личные телохранители действуют профессионально, без признаков паники или растерянности. Трое из них сопровождали Томми в опасной перебежке через двор, прикрывая собой от возможного огня или разрыва, остальные заняли позиции у бойниц и готовились к отражению атаки, если таковая последует. У всех штурмовые винтовки или автоматы, гранаты и гранатометы. Этим парням Томми доверял свою жизнь и знал, что они не подведут.

— Мы атакованы, — сообщил Сиака, первый заместитель Каббы, отвечающий за безопасность поселка.

— Это я уже понял, — отмахнулся Томми. — Но кто осмелился? Каллона?

Имя пришло ему на ум при первом же разрыве ракеты.

Ибрагим Каллона командовал небольшим, но великолепно вооруженным и дисциплинированным отрядом, он недавно откололся от правительственной армии и основал базу где-то в джунглях. Пока Каллона промышлял контрабандой и работорговлей, доставляя алмазным королям рабочих, однако в последнее время поползли слухи, что Ибрагим нацелился на некий жирный кусок, и все владельцы алмазных полей заволновались, ожидая, к кому заявится молодой и дерзкий драчун. Солдат у него было немного, но сражение все равно обещало быть жестоким, а на ослабшего короля почти наверняка нападут соседи, поэтому связываться с Каллоной никому не хотелось.

Томми искренне надеялся, что его репутация заставит осторожного Ибрагима искать другую цель, но, похоже, надежды не оправдались.

— Так это Каллона?

— Пока непонятно, — честно ответил Сиака. — И... И замялся.

— Что? — подбодрил заместителя Кабба.

В защитную стену врезалась ракета, и в разговоре возникла пауза — на взрыв. Точнее, на два взрыва, поскольку следующая ракета сбила еще одну пулеметную вышку.

— Мне кажется, нас обстреливают, только чтобы отвлечь внимание, — неожиданно произнес Сиака.

— То есть? — растерялся Кабба.

— Огонь ведется с холмов, издалека, ведется не очень прицельно и редко...

— Может, у них мало ракет?

— Может, — тут же согласился заместитель, понимая, что в столь напряженный момент спорить с нервничающим Томми весьма опасно.

Но Кабба, в свою очередь, не был идиотом и высоко ценил заместителя за ум и хитрость. Он уже понял, что Сиака пришел к плохому выводу, и хотел его услышать.

— Говори.

— Мне кажется, они специально дают нам время подготовиться.

— Зачем?

— Не знаю, — развел руками Сиака. — Но сам посуди, Томми, все выглядит именно так: нас изводят тревожащим огнем, но не атакуют... Пока.

— Значит, надо атаковать их! — Кабба яростно улыбнулся. — Если они просто нас прощупывают, нужно их догнать и растерзать! Нечего сидеть в обороне! Готовьте пикапы!

Идея была здравой, однако в голову Томми она явилась слишком поздно. Потому что, едва Сиака от-

оказалось огнестрельного оружия, но остановить их не было никакой возможности. «Львы» опережали солдат, иногда ухитрялись уклоняться от выстрелов, а в нескольких случаях принимали автоматные очереди на себя, не падая и даже не вздрагивая. Пули просто вонзались в их тела и застревали. Иногда проходили навывлет, иногда оставались торчать на виду. При этом никакой крови. «Львы» принимали пули, не замечая повреждений, и, увидев это, солдаты принялись кричать, что колдуны привели в Tommy-Gun-Town мертвых.

В поселке началась паника, которая еще больше помогла нападавшим.

— Их можно убить! — заорал Кабба, заметив, что его бойцы разбегаются. — Их можно убить!

Он был хорошим командиром и опытным военным, понимал, что нужен лишь один удачный ход — яркая смерть одного из противников, после которой солдаты соберутся с духом, и сумел этот ход сделать: прицелился из гранатомета, выждал и выстрелил, вновь, как было и вчера, разорвав «льва» на куски. Ошметки тела разлетелись по улице, но смерть одного из страшных воинов наступила слишком поздно и осталась незамеченной: солдаты продолжали разбегаться, а «львы» — атаковать.

Организованно отбивались только телохранители, но некоторые из них уже поглядывали на стоящие во дворе пикапы, прикидывая, что нужно уносить ноги. Армия алмазного короля Томми таяла на глазах.

Поняв, что все пропало, Кабба отшвырнул пустую трубку гранатомета и бросился к «королевскому дому».

///

- Ты выяснил, что там случилось?
- На улице?
- Я слышала шум.

И Кабба оторопел.

Он ожидал, что Гранни сбежит. Или встретит его с пистолетом в руке. Или в окружении своих невероятных головорезов. Он ждал атаки и потому не ворвался в спальню «королевского дома», а медленно прокрался, держа перед собой оружие и готовый в любой момент пустить его в ход. И меньше всего на свете ожидал увидеть Львицу спокойной и расслабленной. Она сидела на пуфике перед трюмо и небрежно красила губы. Одета в распахнутое кимоно, не скрывающее ни изящных ног, ни красивой груди. Увидев Каббу, улыбнулась и задала идиотский вопрос. Как будто не слышала выстрелы. Как будто это не ее люди истребляют его солдат.

Как будто во дворе забрехала собака, и Томми выходил поглядеть, в чем дело.

— Ты... ты... — Он задыхался от ненависти.

— Хочешь знать, почему я так с тобой поступила? — пришла ему на помощь Гранни.

— Да! — Он хотел пристрелить лживую суку сразу, но любопытство взяло верх.

— Из-за денег, — сообщила женщина, откладывая помаду. Но от зеркала не отвернулась, продолжила разглядывать свое прекрасное лицо, то ли любуясь, то ли выискивая следы ночных забав. — Ты стал воровать, милый, а мы договаривались так не поступать.

— Как ты узнала? — хрипло спросил Кабба.

— Я знаю все...

— Сучка!

Томми наконец-то решился. Явившись в спальню, он не убрал оружие, оставив взведенный пистолет в руке, но во время разговора не выпячивал его, держал опущенным, словно позабыв, а теперь уверенно навел на женщину и надавил на спусковой крючок.

Осечка!

Еще раз!

Пистолет вновь стыдливо шелкнул, а Гранни рас-
смеялась:

— Он не выстрелит.

— Что ты с ним сделала?

— Заколдовала.

— Сучка!

Кабба отшвырнул бесполезный пистолет и бросился на Гранни с ножом. Не думая о том, что мчится прямо-
ком в ловушку, вообще ни о чем не думая, потому что
сейчас он хотел одного — растерзать подлую тварь, из-
резать красивое лицо, забить ногами тело, уничтожить...

В шаге от женщины Томми пропустил удар. Сна-
чала ему показалось, что он врезался в стену... нет,
что ему выдал прямой правой один из «львов»... нет,
что ему прилетело копытом от буйвола... Нет! Сначала
Томми отлетел, врезался в кровать, скатился на пол,
почти минуту лежал, ловя убегающее сознание, затем
тяжело выдохнул, кажется, кровью, и с трудом под-
нялся на четвереньки.

Ни «льва», ни буйвола в комнате не оказалось.
Только он и Гранни, которая по прежнему сидела на
пуфике.

И улыбалась.

— Сучка, — прошептал Кабба.

— Теперь можешь называть меня сукой, — предло-
жила женщина. — Так будет правильнее. — И поню-
хала один из флаконов с духами. — У твоих мартышек
отвратительный вкус.

Ничего более унижительного Томми переживать не
доводилось.

— Почему не убила только меня? — хрипло спросил
он, усаживаясь на пол и прислоняясь спиной к крова-

ти. Потому что атаковать сил не было: болела голова, болела грудь, а во рту скапливалась кровь, которую приходилось сплевывать.

— Потому что нужно преподать урок, — ответила Гранни, прислушиваясь к доносящимся с улицы воплям. Организованное сопротивление давно закончилось, и теперь ее «львы» искали и добивали последних солдат Каббы. — Чтобы твой сменщик понял, как будут наказаны его шалости.

Он не хотел спрашивать, понимал, что унижается, но удержаться не смог:

— Кто меня сменит?

— Ибрагим Каллона, — коротко ответила Гранни. — Ты не заметил, что я его подняла из грязи точно тем же способом, что и тебя? С этой точки зрения он твой близнец...

Томми засопел.

— ...А трахается даже лучше, — закончила женщина. — Так что я скорее приобрету, чем потеряю.

В комнату вошел один из «львов», и Гранни небрежно указала ему на Каббу. Сама отвернулась, еще раз понюхала флакон и брезгливо выбросила его в окно.

«Лев» молча перерезал Томми горло и повернулся к хозяйке, ожидая дальнейших распоряжений.

* * *

*промышленное здание
Москва, улица Карьер,
12 июля, вторник, 23:21*

Этот небольшой, отдельно стоящий дом, причудливо воткнутый на окраине прижавшейся к Третьему кольцу зоны складов, мастерских и мелких произ-

водств, не привлекал особого внимания. Двухэтажный, неказистый, такой же обшарпанный, как абсолютно все соседние постройки, он ничем не выделялся и являл собой чистый, как слеза слесаря, незамутненный образец сугубо утилитарного строения. Когда-то дом считался «административным», в нем размещалась «контора», в ведении которой находились все окрестные склады, но бухгалтеров и менеджеров, в целях экономии, переместили в выстроенные в ангарах клетушки, а дом продали, «прикрутив» к нему довольно большую открытую площадку. Новые хозяева заморачиваться не стали и выставили строение на сдачу, дом несколько раз менял арендаторов, постепенно теряя последние остатки презентабельности, и сейчас его занимала небольшая транспортная компания, владельцы которой приспособили второй этаж под ночлежку для водителей-нелегалов.

А вот лазать в подвал сотрудникам компании, хоть легальным, хоть нет, было строжайше запрещено. Впрочем, они и не смогли бы, поскольку все оконца были заложены кирпичом, а двери стояли новые, с виду такие же неказистые, как все в доме, но крепкие и надежные. А если бы и смогли, то все равно не стали, ибо, кроме мощных дверей, подвал защищало гипнотическое заклинание «Ничего особенного», которое рассеивало даже легкий интерес к нижним помещениям еще на стадии замысла, незаметно, но твердо убеждая желающих спуститься под землю, что ничего, кроме грязи, крыс и крупных неприятностей их в подвале не ожидает.

При этом правдой был только третий пункт, насчет крупных неприятностей, потому что ни грязи, ни крыс в сухом и очень чистом подвале не наблюдалось: Ярга терпеть не мог ни того ни другого. Зато здесь

зарычал, вцепившись когтями в грудь и царапая ее до крови, скатился с алтаря, ударившись головой о камень пола, попытался встать на четвереньки, но не удержался, с громким ревом выхаркал сгусток крови, жалобно взвыл от нестерпимой боли, перекатился на спину и глубоко задышал, уставившись в потолок.

И взгляд его был настолько ясен, что сомнений в разумности обезьяны не оставалось.

— Вижу, Схинки, ты снова побывал там, куда не стоит торопиться, — усмехнулся Ярга, поворачивая электрический выключатель.

— Ты каждый раз будешь встречать меня этой фразой? — осведомился орангутан, медленно поднимаясь с пола и шурясь от яркого света.

— Пока тебе не надоест допускать ошибки.

— Ну, конечно, ты единственный в мире всезнайка.

— Не слишком ли много ты себе позволяешь? — в голосе Ярги послышалось раздражение, однако, несмотря на это, ответа на вопрос не последовало.

— Здесь ты меня еще не оживлял... — Схинки уселся на алтарь и с любопытством огляделся. — Где мы?

— Пока тебе не надоест допускать ошибки, — недовольно повторил слегка успокоившийся Ярга. — Как ты мог так сильно меня подвести?

— Я сделал все, что было в моих силах, — пожал плечами орангутан. Поразмыслил и выдал одну из символизирующих печаль ужимок. Получилось довольно смешно, однако Ярга не улыбнулся.

— Ты опять не справился.

— Антрэй рехнулся, — перешел на серьезный тон Схинки. — После твоего отъезда он совершенно потерял способность соображать.

— Ты знал, что это возможно, — жестко произнес Ярга. — Я предупреждал.

— Я знал и был готов, но что толку? — Схинки почесал затылок. — Я не в состоянии справиться с рехнувшейся рептилией.

— Он мне нравился, — тихо обронил Ярга.

— Извини, я хотел сказать, что был не в состоянии справиться со впавшим в бешенство драконом.

— Чуть больше уважения.

— Извини.

Они помолчали, после чего Ярга продолжил расспросы:

— Что случилось на острове?

— Полагаю, во время одной из вылазок Антрэй привлек к себе внимание тех, чье внимание привлекать не следовало, и к нам заявила целая экспедиция, в составе гиперборейской ведьмы, человеческой дуры, качка-рыцаря, утырка-шаса и какого-то пирата.

— Ведьма, дура и качок добрались до вас другим путем, — тут же сообщил Ярга. — В результате расследования исчезновения Тиррея и смерти его родителей.

— Ты знал о готовящемся вторжении? — удивился орангутан. — Почему не предупредил?

— Я был уверен, что они не смогут отыскать остров.

— Как же они его обнаружили?

— Точно не знаю, но полагаю, что пришли по следу Катрин.

— Значит, милая доктор Далёб где-то допустила ошибку.

— Похоже на то. — Ярга поморщился. — Что с мальками?

— Возможно, кто-то из них уцелел: самые шустрые или рожденные с серебряной ложкой во рту.

— А ты?

— Как видишь... — Схинки выдал несколько умильных гримас подряд. — Скажи, ты ведь не бу-